

УТВЕРЖДАЮ:
проректор по научной работе
и инновациям
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»,
доктор химических наук, доцент
М.В. Шарафан
3 мая 2026 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» – о диссертации Штебы Алексея Андреевича «РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИФфуЗНОЙ ЭМОТИВНОСТИ В РАЗНОЖАНРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (Волгоград, 2026, 414 с.)

Вопрос о том, каким образом эмоции находят свое выражение в языке и процессе общения, перерос рамки дискуссионной темы и оформился в отдельную отрасль языкознания. Формирование этой области стало закономерным шагом в эволюции научной мысли, поскольку любая деятельность человека, отличаясь высокой когнитивной сложностью, не сводится к простейшим алгоритмам. Выделение отдельных базовых элементов способно лишь обозначить внешние контуры процесса, но не раскрывает его глубинной сути. Исходя из этого, эмотивная лингвистика с момента своего зарождения опиралась на процедуру категоризации, стремясь выявить фундаментальные, инвариантные свойства эмоций в их языковом отображении. Подобный ракурс исследования продемонстрировал, что текучая, двойственная и многослойная природа эмоциональных переживаний может быть зафиксирована в языке лишь фрагментарно. Подобно тому, как слово способно удержать лишь отдельные очертания хаотичного смыслового потока, эмотивная лексика маркирует лишь условные точки в бескрайнем поле потенциальных эмоционально-смысловых конфигураций. Концепт когнитивной сложности и нелинейная природа языка делают бинарную логику недостаточной для описания коммуникативных процессов. Именно теория нечетких множеств позволяет преодо-

леть эту ограниченность в анализе эмоциональной сферы. Диффузный характер эмотивности – её имманентное качество, проявляющееся в невозможности жёстко упорядочить переживания рациональным инструментарием. Это означает, что мы слышим в речи эмоцию, но не можем однозначно определить её как «гнев» или «страх»: возникает сложный фон, где переплетаются удивление, ирония, грусть и нежность. Диффузная эмотивность создаётся не прямыми номинациями, а скоплением косвенных сигналов, и её конкретное воплощение зависит от жанровых правил игры.

Актуальность диссертационного исследования «*Репрезентация диффузной эмотивности в разножанровой коммуникации*» обусловлена следующими ключевыми аспектами:

1. Современный антропоцентризм в лингвистике – эмоции и их языковое выражение остаются в фокусе коммуникативных исследований, однако традиционно изучаются либо эксплицитные (прямые) эмотивные средства, либо «сильные» эмоции. Диффузная эмотивность – т.е. рассеянная, некатегориальная, часто подтекстовая передача эмоциональных состояний – до сих пор не получила системного описания.

2. Жанровая вариативность эмоциональной репрезентации – диффузная эмотивность по-разному проявляется в разных жанрах (бытовая беседа, научно-популярный дискурс, художественная проза, сетевая коммуникация, политический нарратив и т.д.). Выявление общих закономерностей и жанрово-специфичных механизмов открывает новое направление в изучении функциональной стилистики и прагмалингвистики.

3. Проблема лингвистической операционализации – диффузная эмотивность трудно поддаётся формализации: она реализуется через лексическую и синтаксическую имплицитность, просодические и графические маркеры, контекстуальные наложения, иронию, умолчание. Разработка методики её выявления и анализа – актуальная методологическая задача для теоретической и прикладной лингвистики.

4. Сопоставительный аспект – работа выполнена в русле сравнительно-сопоставительной лингвистики (специальность 5.9.8), что предполагает анализ на материале нескольких языков или языковых вариантов. Это позволяет выявить универсальные и идиоэтнические черты диффузной эмотивности, что особенно актуально для переводоведения и лингвокультурологии.

Таким образом, актуальность темы определяется теоретическими лакунами в области эмотиологии и жанроведения, методологической неразработанностью инструментария анализа неявной эмоциональности и практически запросами со стороны цифровых гуманитарных наук и прикладной лингвистики.

Научная новизна исследования Штебы А.А. выражается в следующих ключевых аспектах:

– впервые эмотивность как семантическая категория анализируется в аспекте её коммуникативной реализации, а не только как системно-языковое явление;

– обосновано выделение диффузности в качестве неотъемлемого, обязательного свойства эмотивной семантики языковых единиц в процессе коммуникации;

– показано, что диффузная эмотивность обеспечивает более высокую точность передачи эмоциональных переживаний по сравнению с нормативно закрепленными эмотивными средствами, сближаясь по характеристикам неоднозначности, многомерности и смысловой подвижности с эмоционально-смысловым потенциалом слова;

– эмотив трактуется как динамичное, «энергичное» образование, отражающее сложные когнитивные процессы, которые не могут быть полностью ограничены условными рамками языковой системы;

– выявлено, что отсутствие жесткой заданности в способах языковой объективации эмоций открывает возможности для изучения механизмов возникновения и функционирования новых эмотивных единиц.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении представлений о природе эмотивных языковых единиц и развитии теории эмотивности:

– уточнена классификация эмотивности за счет введения понятия диффузной эмотивности и разграничения двух ее типов – эксплицитной и имплицитной, что позволяет упорядочить разнообразные проявления нечеткой и вариативной эмоционально-оценочной семантики;

– разработана типология вербализованных смешанных эмоций, систематизирующая выраженную диффузную эмотивность;

– обоснована возможность использования принципов тема-рематического членения текста для установления эмоциональной доминанты в номинациях смешанных эмоций;

– имплицитная диффузная эмотивность представлена как открытое семантическое пространство, границы которого принципиально не фиксированы;

– выявлена жанровая обусловленность репрезентации диффузной эмотивности через категории симуляции и имитации;

– внесен вклад в теорию оценки: нейтральная оценка интерпретируется как семантически потенциальное образование, способное в контексте актуализировать как позитивные, так и негативные оценочные смыслы.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов в учебном процессе высшей школы: при подготовке и чтении курсов по общему языкознанию, психолингвистике, лексической семантике, семасиологии, а также спецкурсов по лингвистике эмоций. Предложенный подход к интерпретации эмотивной семантики как контекстуально изменчивой величины, противопоставленной словарной прескриптивности, имеет ценность для совершенствования алгоритмов автоматического анализа эмоциональной тональности текстов. Кроме того, акцентирование внимания на функциональной значимости способов выражения эмоций представляет интерес для оптимизации повседневной коммуникации.

Достоверность и обоснованность выводов диссертационной работы обеспечивается несколькими ключевыми факторами. Во-первых, теоретическая база исследования опирается на внушительный корпус научной литературы по теме, что гарантирует широту охвата проблемы и учет существующих в науке подходов. Во-вторых, эмпирическая часть выполнена на репрезентативном языковом материале, который включает как личную картотеку примеров автора, так и данные Национального корпуса русского языка (в его устной и письменной разновидностях). В-третьих, корректность полученных результатов подтверждается четким соответствием избранных методов и приемов анализа (компонентный, дистрибутивный, контекстуальный анализ, элементы конверсационного анализа) поставленным в работе задачам. В-четвертых, исследование носит междисциплинарный характер, что выражается в активном привлечении и осмыслении данных из смежных с лингвистикой областей знания – психологии, философии, синергетики, феноменологии. Наконец, стройная и логичная структура диссертации, а также внутренняя непротиворечивость изложения служат дополнительным свидетельством надежности сделанных заключений.

Всё вышесказанное, полагаем, убедительно подтверждает актуальность, новизну и аргументированность исследования Алексея Андреевича Штебы. Положения, вынесенные диссертантом на защиту, получили многопараметрическое обоснование в тексте диссертации.

Первая глава «Эмотивность в ретроспективном аспекте: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике» выполняет функцию теоретико-методологического фундамента всего исследования.

Центральное место в главе занимает анализ статуса эмотивной семантики внутри лексического значения слова. Автор отталкивается от базового постулата о том, что эмотивность является имманентным, то есть внутренне присущим свойством языковой семантики в целом. Эта позиция обосновывается через идею о «чувственном компоненте», которым человек неизбежно окрашивает любую свою деятельность, в том числе и речевую. В связи с этим в главе подробно разбирается соотношение ключевых для эмотиологии понятий: эмоциональность (как психологическая, внутренняя реакция) и эмотивность (как её языковое отражение и выражение). Кроме того, автор уделяет внимание дифференциации эмотивности и экспрессивности, предлагая придерживаться традиционного взгляда на экспрессивность как на комплексный феномен, в котором совмещаются оценочный, эмоциональный и образный компоненты семантики.

Наиболее сильной стороной главы является обоснование и введение в научный оборот феноменологического и синергетического взгляда на семантику. Это открывает перспективу для изучения нестабильных, переходных состояний семантики, что особенно ценно для заявленной темы диффузной эмотивности.

Глава насыщена яркими и точно подобранными примерами из художественной литературы [(Ф. Кафка (стр. 54, 55,), К. Воннегут (стр. 56), Ж. Батай (стр. 35), Р. Арундати (стр. 59), Э.М. Ремарка (стр. 58) и др.), которые не про-

сто иллюстрируют теоретические положения, а служат инструментом доказательства.

Композиция главы выстроена безупречно. Каждый параграф завершается логическим переходом к следующему этапу рассуждения. Сформулированные в конце главы выводы (стр. 68–70) не просто резюмируют сказанное, но и закладывают прочный фундамент для последующих практических глав.

Вторая глава «*Диффузность как имманентная характеристика эмотивности*» посвящена теоретическому обоснованию центрального понятия всей работы – «диффузной эмотивности» – и доказательству того, что диффузность является не случайным отклонением от нормы, а сущностным, неотъемлемым свойством эмотивной семантики.

Центральное место в главе занимает философско-лингвистическое обоснование безграничности эмоционально-смыслового потенциала слова. Автор привлекает идеи Г. Гийома о «молчаливом мышлении» (стр. 87), феноменологическую концепцию «нейтрального сознания» Э. Гуссерля (стр. 87) и понятие «неслучившегося сознания» М.К. Мамардашвили (стр. 87). Через эти категории проводится мысль о том, что слово в языковой системе существует как потенция, а его подлинная смысловая реализация осуществляется исключительно в речи, в акте коммуникации. При этом язык принципиально «огрубляет» эмоции, оставляя за пределами вербальной экспликации значимые компоненты переживания, что неизбежно порождает диффузность.

Особое внимание в главе уделяется проблеме нейтральной оценки. Опираясь на идеи Ю.С. Степанова (стр. 151), автор аргументирует, что ноль на оценочной шкале – это не пустота и не безразличие, а ингерентно амбивалентная сущность, вбирающая в себя потенциал обоих полюсов.

Завершается глава обобщением о том, что язык как нелинейная структура порождает множественность интерпретаций и содержательную неопределенность на уровне семантики. Диффузность проявляется в тех процессах, когда вещественное значение уступает место оценочному, денотат остается неопределенным, а на передний план выходят латентные, скрытые смыслы слова (стр. 158–161). Эти положения формируют теоретическую базу для последующего анализа конкретных форм репрезентации диффузной эмотивности – эксплицитной и имплицитной – в третьей и четвертой главах диссертации.

Таким образом, вторая глава представляет собой самостоятельное, законченное и глубокое теоретическое исследование, которое вносит существенный вклад в развитие эмотивной лингвистики. Она убедительно доказывает центральный тезис диссертации об имманентной диффузности эмотивности и закладывает прочный фундамент для анализа конкретных коммуникативных практик в последующих разделах работы. Уровень исполнения полностью соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям.

Третья глава «*Эксплицитная диффузная эмотивность*» посвящена всестороннему анализу вербальной репрезентации смешанных эмоций как наиболее наглядной, выраженной формы проявления диффузной эмотивности.

В начале главы автор проводит тщательный обзор существующих подходов к определению и классификации смешанных эмоциональных состояний (стр. 162–166) как в отечественной, так и в западной научной традиции.

На основе критического анализа существующих подходов соискатель предлагает собственное определение имен смешанных эмоций. Под ними понимается соединение в целое разнооценочных переживаний, которое может принимать различные структурно-семантические формы (стр. 234). Выделяются три основных типа смешанных эмоций в зависимости от соотношения их компонентов. Первый тип – амбивалентные смешанные эмоции, представляющие собой соединение контрарных, противоположных по оценочному знаку понятий (любовь и ненависть, радость и печаль). Второй тип – поливалентные (или полиоценочные) смешанные эмоции, в которых сочетаются разнооценочные, но не контрарные переживания (любовь и грусть). Третий тип – моновалентные (или монооценочные) смешанные эмоции, состоящие из однооценочных компонентов, различающихся по степени интенсивности (горе и ярость).

Важным теоретическим наблюдением автора становится вывод о том, что перечисление конкретных эмоций не столько называет, сколько описывает содержание сложного переживания, указывая на его составные элементы.

Особое внимание в главе уделяется проблеме определения эмоциональной доминанты в структуре имени смешанной эмоции. Опираясь на принципы тема-рематической организации текста, автор выдвигает и обосновывает положение о том, что эмоциональную доминанту задает второй, постпозитивный элемент смешанной эмоции.

Завершающий раздел главы посвящен анализу особенностей перевода имен смешанных эмоций. На материале сопоставления оригинальных текстов К. Исигуро, А. Моравиа (стр. 205–206) и их русскоязычных версий автор демонстрирует, что при переводе наблюдается сохранение общей оценочной доминанты, но одновременно происходит «размывание» содержательных границ эксплицируемого эмоционального переживания. Компоненты смешанной эмоции могут заменяться семантически близкими, но не тождественными номинациями, а также получать дополнительные качественные характеристики (безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение, меланхолическая робость). Подобные преобразования, по мнению автора, обусловлены не только различиями в лексических системах языков, но и глубинным, имманентным свойством эмотивной семантики – ее диффузностью, открывающей потенциал для бесконечного варьирования и уточнения смысла.

В целом третья глава не только представляет детальную типологию и семантико-прагматический анализ имен смешанных эмоций, но и закладывает основу для понимания эксплицитной диффузной эмотивности как особого, лингвистически релевантного феномена, находящегося в постоянном взаимодействии с когнитивными механизмами восприятия и оценки действительности.

Четвертая глава «Имплицитная диффузная эмотивность» посвящена анализу тех форм эмотивности, которые характеризуются принципиальной неполнотой, размытостью или имплицитностью выражения. Автор исходит из положения о том, что когнитивная сложность мышления и онтологическая неопределенность эмоций обуславливают существование диффузной эмотивности не только в явных, но и в скрытых, редуцированных либо симулятивных формах. Глава структурирована вокруг двух ключевых осей: невыраженная эмоциональность и невыраженная оценочность и демонстрирует редкое сочетание широты охвата и аналитической глубины. Каждый из четырех типов эмоций рассмотрен с привлечением серьезной теоретической базы, обширного иллюстративного материала и тонких лингвистических наблюдений. Например, анализ диминутива «печалька» (стр. 302) с выходом на социокультурные процессы «новой искренности» и «деэмоционализации» речи выполнен на высоком научном уровне. Глава убедительно доказывает, что диффузная эмотивность проявляется не только в эксплицитных формах, но и в зонах имплицитности, редукации и симуляции, что расширяет представление о способах языковой категоризации эмоционального опыта и подтверждает тезис о принципиальной множественности и незавершенности эмотивных смыслов.

Композиция главы безупречна: разделение на невыраженную эмоциональность и невыраженную оценочность, последовательное рассмотрение четырех типов эмоций, затем анализ удивления как переходного феномена. Каждый параграф завершается четкими промежуточными выводами, а общие выводы по главе корректно резюмируют полученные результаты. Автор последовательно удерживает фокус на центральном понятии диффузной эмотивности, демонстрируя его эвристический потенциал применительно к имплицитным формам.

Глава написана хорошим научным языком, иллюстративный материал подобран со вкусом и точно иллюстрирует теоретические положения. Обращение к художественным текстам (Мольер, Толстой, современная проза) свидетельствует о широкой филологической эрудиции автора.

В целом, четвертая глава производит впечатление зрелого, самостоятельного и глубокого научного исследования, которое вносит существенный вклад в развитие эмотивной лингвистики и полностью соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям.

Пятая глава «Жанровая специфика диффузной эмотивности» посвящена анализу того, как нечеткость, поливалентность и имплицитность эмотивных смыслов реализуются в различных дискурсивных пространствах – художественной литературе, интернет-коммуникациях и повседневной устной речи. Автор исходит из тезиса, что диффузность является имманентным свойством эмотивности, а любой текст потенциально эмотиогенен, однако жанровые и дискурсивные рамки накладывают ограничения на формы и степень проявления эмоционального содержания.

Соискатель рассматривает поэтические и прозаические тексты (включая драму и пьесу) как пространство намеренной имитации эмоций, сознательно конструируя эмоциональные переживания персонажей для достижения эсте-

тического и воздействующего эффекта. На материале Национального корпуса русского языка анализируются словосочетания с компонентом «чувства / эмоции», выявляются характерные для поэзии прилагательные, а также случаи синестезийных номинаций (сладкие чувства, вязущие чувства). В прозе отмечается высокая частотность обозначений смешанных, противоположных, смутных чувств, что подтверждает жанрообразующую роль диффузной эмотивности. На примере романа-драмы и современных пьес показано, что экспликация сложных эмоциональных состояний служит созданию психологической глубины и динамики сюжета. Глава имеет прозрачную трёхчастную структуру, соответствующую трём анализируемым дискурсивным пространствам. Каждый раздел завершается промежуточными обобщениями, а итоговые выводы корректно резюмируют полученные результаты и связывают их с общей концепцией диссертации. Язык изложения остаётся строго научным, но при этом доступным для восприятия, что свидетельствует о высоком уровне академической культуры соискателя.

Глава органично продолжает и конкретизирует теоретические положения, разработанные в предыдущих разделах (диффузность как имманентное свойство эмотивности, поливалентность оценки, невыразимость). Она переводит абстрактные теоретические конструкты в плоскость конкретного жанрово-дискурсивного анализа, тем самым подтверждая их объяснительную силу и эвристический потенциал.

В целом, глава представляет собой завершённое, глубокое и многогранное исследование, которое вносит существенный вклад в понимание жанровой вариативности эмотивной семантики и полностью соответствует самым высоким требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям.

Заключение представляет собой зрелый, концептуально целостный научный текст, в котором автор демонстрирует владение методологией современной лингвистики, умение синтезировать данные разнородных коммуникативных сфер и способность видеть за частной семантической проблемой («диффузная эмотивность») масштабную картину взаимодействия языка, мышления и эмоциональной действительности. Текст полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК к заключительным разделам диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Таким образом, поставленные задачи решены, а положения, выносимые на защиту, раскрыты.

Диссертацию Алексея Андреевича Штебы отличает единство теоретических установок и комплексного анализа с использованием адекватных лингвистических методов.

Текст исследования написан хорошим языком, легко и интересно читается. Основные выводы диссертации являются вполне обоснованными, яркие языковые иллюстрации подтверждают высказанные автором теоретические гипотезы.

В целом диссертационная работа А.А. Штебы представляет собой самостоятельное оригинальное исследование, посвященное изучению особенностей актуализации эмоций в языке и коммуникации, обладающее широкой об-

ластью применимости и не менее широкими перспективами. Однако в процессе знакомства с работой возникли некоторые вопросы и дискуссионные моменты, которые требуют уточнения и авторских комментариев:

1. Вторая глава насыщена блестящими примерами из модернистской и постмодернистской прозы (Кафка, Моравиа, Беккет, Мюллер, Рой). Это идеальный материал для демонстрации, однако тема диссертации заявлена как «разножанровая коммуникация».

Вопрос: Насколько выводы, сделанные на материале эстетически маркированного художественного эксперимента, универсальны? Проявляется ли адекватно диффузная эмотивность в тех же формах, например, в бытовом диалоге, политическом дискурсе или интернет-комментарии. Может быть, стоит дать отсылку вперед, чтобы снять возможный упрек в односторонности материала.

2. В главе 3 в подразделе 3.1 утверждается, что «любая номинация эмоции потенциально характеризуется смешанным моно- или поливалентным характером». Если смешанность – универсальное свойство любой эмоции, то чем тогда смешанные эмоции как объект исследования отличаются от «обычных» эмоций? Не теряет ли понятие «смешанные эмоции» своей эвристической ценности при таком расширительном толковании?

Вопрос: Каковы границы понятия? Существуют ли «несмешанные» (гомогенные, чистые) эмоции в принципе?

3. Автор использует понятие «обертон» для объяснения дополнительных смысловых приращений в смешанных эмоциях. Однако не поясняет, чем «обертон» отличается от традиционных понятий «коннотация», «ассоциативное значение» или «эмотивное приращение».

Вопрос: Является ли термин «обертон» операциональным или скорее метафорическим? Если он вводится как новый, то каковы его строгие дефиниции и методы выявления?

4. Автор приводит примеры перевода фильмонимов («Fear and Desire» / «Страх и вожделение», «The House of Mirth» / «Обитель радости» и др.). Однако названия фильмов – это особый жанр с прагматической установкой на привлечение зрителя, что может искажать закономерности перевода эмотивной лексики.

Вопрос: Правомерно ли экстраполировать выводы, полученные на материале фильмонимов, на перевод смешанных эмоций в художественной литературе или повседневной речи?

5. В главе 4 в подразделе 4.1.4 рассматриваются диминутивы «печалька», «грустинка» и др. Автор справедливо отмечает их игровую природу и связь с деэмоционализацией.

Вопрос: Можно ли считать эти единицы полноценными эмотивами (пусть и редуцированными) или же их функция преимущественно метаязыко-

вая и фатическая? Иными словами, они называют эмоцию (и тогда это номинативы, хотя и стилистически маркированные) или выражают ее (как аффективы)? Прояснение этого момента усилило бы типологическую строгость работы.

6. Глава 5. Анализ жанра обзора выполнен на материале одного популярного видеоблога.

Вопрос: Не являются ли выявленные особенности (диминутивы, гиперболизация, англицизмы) характеристикой именно идиостиля данного блогера, а не жанра в целом? Для усиления выводов желательно было бы привлечь данные ещё 1–2 блогеров со схожей аудиторией, чтобы отделить жанровые черты от индивидуальных.

7. В устном корпусе встретилось выражение «технические эмоции» (стр. 364), которое автор интерпретирует как наивную попытку определить специфику рационального в эмоциональном. Это интересная находка, но её анализ дан очень кратко. *Возможно*, следовало бы подробнее рассмотреть этот и подобные примеры как проявление метаязыковой рефлексии рядовых носителей языка о природе эмоций, что усилило бы антропоцентрическую составляющую работы.

8. Параграф о флейминге (стр. 355–357) выглядит несколько обособленно от основной линии анализа диффузной эмотивности.

Вопрос: Как именно диффузность эмотивности проявляется в жанре флейминга? В текущем виде этот фрагмент читается скорее как общая характеристика жанра, а не как анализ диффузной составляющей.

Данные вопросы и замечания не касаются ключевых положений и выводов диссертационного исследования, а также не ставят под сомнение достоверность полученных результатов. Штеба Алексей Андреевич в своем труде продемонстрировал глубокое знание предмета исследования, все поставленные во введении задачи решены. Диссертация актуальна, выполнена на высоком теоретико-методологическом уровне, отличается новизной областей применения признанных концепций, теоретической и практической значимостью положений и выводов. Работа прошла достаточную апробацию. Автореферат диссертации и публикации соискателя отражают содержание диссертации. По теме опубликовано 50 публикаций, в т.ч. 20 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Диссертация Штебы Алексея Андреевича «Репрезентация диффузной эмотивности в разножанровой коммуникации», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, в полной мере соответствует пп. 9–11,13–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ №842 от 24.09.2013 года, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор

